



Сколько времени прошло, не знаю. Вверху шумели кроны деревьев, более ничего не нарушало тишину. Лежу, смотрю в небо и медленно умираю. Боль была сильной и страшной. Страшно было от мысли, что ранение тяжелое. Крутило все тело, что такое, я не понимал. Через несколько минут тело начало приобретать чувствительность, и я понял, что весь мокрый. Весь — это полностью. Чуть поведив глазами, понял, что лежу в луже, а вокруг болото. В стороне, метрах в десяти, лежало что-то похожее на человека.

— Эй, — тихо позвал я и вновь закашлял. Никто не откликнулся. Надо попробовать доползти.

В час по чайной ложке я все же преодолел такое огромное расстояние, что разделяло меня с этим неизвестным. Убит. В первую же секунду стало ясно. Недавно, тело еще теплое. Лежит так, словно пуля настигла его во время бега. Оружие, а рядом валялась винтовка, было целым на вид. Подтянул к себе, но затвор сдвинуть не смог. Пальцы не слушались.

— Да что же такое-то, куда силы делись? — чуть не взмолился я шепотом. Кашель вернулся, крутило очень сильно. Боль в груди, точнее, где-то внутри тела резала как ножом. Где-то впереди раздался легкий шум.

Так, а если вспомнить... На нас напали в момент прохода по болоту, помню. Упал с носилок, видимо бросили. Бойцы наверняка устремились назад и вступили в бой с фашистами, а меня оставили... Стоп, там же еще Олежка был, его тоже на носилках несли.

Оглядев все вокруг, нашел и свои, и Олежкины носилки. Но вот самого его не было. Черт, надеюсь, он в болото не упал, жаль парня. Не заслуживает он такой смерти.

Тропа была очень узкой, человек, упавший с носилок, запросто мог скатиться в воду, и все, поминай как звали. С винтовкой в руках был недолго, бросил. На кой черт она мне, все равно не смогу выстрелить. Вернулся к своим носилкам и, чуть передохнув, дополз до вторых. Олега нигде не было. Но далее шли следы волочения, все интереснее.

Напрягаясь изо всех сил, пытался продвигаться ползком еще хоть несколько метров. Не вышло. Вновь потеря сознания и довольно быстрое пробуждение. Сил не было совсем. Почему так? Никогда не был в подобной ситуации, чтобы вот так, совсем не было сил. Просто улегся на бок и смотрел в одну точку. Где-то, совсем недалеко, судя по звукам, кто-то шевелился. Может, Олежка?

— Мельник? — вновь тихо позвал я, боясь повысить голос. В ответ пришли чуть более громкие звуки шевеления. Точно человек, но кто? Олег или еще кто жив остался?

Голоса ненавистных фашистов раздались громко и где-то рядом. Черт, неужели выдал и себя, и того, кто прячется где-то неподалеку? Захрустели палки под ногами, звонко, громко. Тот, кто двигался где-то совсем рядом, явно был уверен в своей безопасности. Где бы укрыться...

— Ханс! — протяжно и мягко произнес кто-то буквально в нескольких метрах от меня.

— Что, Руди? — этот где-то чуть дальше.

— Смотри-ка, тут живой красный! Уж не его ли тащили бандиты, пытаясь уйти от нашего взвода утром? — Этот Руди стоял совсем близко, но не трогал меня пока.

— Осторожно, он может быть опасен! — отвечал второй.

— Да он, похоже, не жилец уже. Добить?

— Приказ был доставить русского офицера, который командовал группой диверсантов.

— Думаешь, это он?

— Ну а кого еще бы потащили через болото на носилках, прикрывая и неся такие потери? Партизаны тут почти взвод потеряли, — говоря последние слова, тот, которого называли Хансом, подошел вплотную.

— Что, предлагаешь тащить? — грустно спросил Руди. Пожив немного среди немцев в Ровно, я легко различал нотки эмоций в голосе.

— Не знаю, он как решето. Не доживет...

— Пусть подышает, скажем, что не нашли.

— А если кто другой из наших здесь пройдет? Нам влетит. Давай уж лучше утопим, так будет наверняка.

И тут же сильные руки двух солдат вермахта подняли меня с земли, и я полетел в воду. Черт, как холодно... Плюх раздался совсем тихий, и я пошел ко дну. Но что-то было не так... Довольно быстро я осознал, что меня не затягивает. А это значило только одно: это была чистая вода. Посреди болот встречается и такое. Лужицы, ничем не отличимые на вид от трясины, но не засасывающие.

Стараясь не дергаться, я задержал дыхание насколько мог. Хорошо еще, успел вдохнуть, перед тем как упасть в воду. Тело гудело от боли, голова начала звенеть от недостатка воздуха, но я упорно не выныривал. Сколько просидел так, не знаю, может, минуту, а может, и все две, для меня это показалось вечностью. А затем... Затем я почувал, как меня вновь схватили, только в этот раз за ворот комбеза.

— Командир, ты живой? — живой и смертельно бледный Валерка смотрел на меня, удерживая за воротник.

— Д-да, — выдохнул я и набрал полную грудь воздуха. Так хотелось дышать, что я забыл обо всем на свете. Кашель сорвался с моих губ, но его заменило бульканье воды. Я вновь был под водой, на этот раз меня там еще и удерживали. Я совсем уже отчаялся, кашель выкручивал меня наизнанку, заставив захлебнуться.

Грязная болотная вода хлынула внутрь, и я задергался. Кажется, меня рвало прямо под водой, отчего стало невыносимо больно, и я стал терять сознание.

— Мороз, ну, давай, очухивайся! — услышал я и тут же почувствовал удар в грудь. Несильный, только для того, чтобы я выплюнул воду, этот удар привел меня в чувство. Только я вновь закашлялся. На этот раз мне просто прикрыли рот ладонью, и попытался сдержаться.

— М-м-м...

— Терпи, командир, терпи! — голос Веревкина был умоляющим. — Терпи, иначе конец! — И я сделал над собой невероятное усилие. Наконец, першение в горле и боль в груди начали отступать, и я уже спокойно открыл и вновь закрыл глаза. Валера убрал ладонь от моих губ, дав спокойно вдохнуть, но неглубоко.

— Ушли? — только и спросил я.

— Кажется, — кивнул Веревкин. — Ты как?

— Удивлен, что еще жив, — прохрипел я шепотом. — Ты один?

— Здесь да. Олега утащили ребята из отряда, хотели вернуться за тобой, но фрицы раньше пришли. Тропка узкая, не разойтись, а его первым тащили, вот и понесли дальше. Я за тобой вернулся, скоро еще боец будет.

— Что вообще творится вокруг? Немцы тут бродят, ты приполз...

— Да ударили они по тропе из минометов. Много утонуло, кого-то просто убило. Меня только оглушило чуток.

— Ты же раненый был?

— Да фигня, почти не болит. Олег тяжелый. Не знаю, выберется или нет. Да и тебе скорее к доктору надо. Крови потерял ведро, наверное...

— В человеке столько нет, — успокоил я друга. — Слышь, чего делать-то будем? Как выходить, да и куда? Я ж вообще не понимаю, куда нас утащили партизаны.

— Где-то на севере от Воронежа. Сколько до наших, не знаю. Командиры партизан погибли, а только они знали дорогу. Этот, что со мной, простой рядовой. В окружении был, попал к партизанам, да так и остался. Четверо нас всего и осталось.

— То есть еще один из наших пропал, так? Партизаны говорили, что четверых нашли...

— Да, трое нас осталось. Но если подумать, то я вообще один, и два полуживых еще, — усмехнулся Веревкин.

— Да уж, — грустно качнул головой я, — чего делать-то будем?

— Как-то вылезать надо. Точнее, залезать. Выбор-то небольшой, на болота, туда, где поглубже и побольше комаров.

— А я их чего-то и не ощущаю, — задумался я, — мертвых, наверное, не кусают.

— Сплюнь, на фиг! — выругался тихонько Веревкин.

— Да я скоро кишки выплюну, Валер. Сил нет, от слова совсем.

— Я ж говорю, крови много потерял. Спина-то как дуршлаг. Но вроде же тебе все вытащили?

— Да ни фиги, — я опять кашлянул. — Валер, кажись, где-то один глубоко застрял. Может, какой глубоко ушел, а вы не заметили, когда вытаскивали. Крови было много, могли и пропустить...

— Да если бы и заметили, мы ж не хирурги. Наших навыков хватает только для быстрой обработки мелких ран. А у тебя, если и правда куда-то далеко влетело, нам не вытащить.

Подтягивая меня, как и прежде, за ворот, Веревкин двинулся в глубь болот. Деревья вскоре стали более толстыми, а чавкать подо мной стало меньше. Никак в сторону ушли? Только вот куда, ведь вроде говорили, что тут кругом болото? Периодически покашливая, стараясь прижимать ворот комбеза ко рту вовремя, я стонал, но держался. Сил помочь Валерке так и не появилось. Ноги чую, но какие-то они ватные. Как штаны. Спина зудит и ноет. Внутри, может уже мерещится, как будто что-то ворочается.

Сколько меня так тащил Валерка, не знаю, вроде не терял сознания, а как стемнело, даже и не заметил. Вокруг стало так жутко, что становилось даже страшно.

— Слышь, Веревкин! — шепнул я.

— Да уж тут не шепчись, — усмехнулся напарник, — далеко уползли.

— А ведь фрицы не зря на меня вышли, — вдруг подумал я.

— Почему?

— Говорили между собой, что приказ доставить командира диверсантов. Это раз. А вот как они меня нашли, это уже два!



— Не понял, ну нашли и нашли, что в этом такого? Искали же.

— А ты послушай вокруг, — заметил я, — если бы я искал кого-то в этом лесу, сто процентов бы нашел.

— Тихо, — прислушался Валера.

— Вот именно. Тихо! Ни тебе чириканыя птичек, ни зверюшки какой. Тишина! Значит, люди рядом, живность боится и молчит.

— О, блин. А ведь и правда. Я ещё подумал, надо бы на жратву кого поймать, так нет никого. Тогда, помнишь, зайцы хоть были, а тут...

— Или это из-за нас, или... — я попытался всмотреться в темень вокруг, — за нами идут.

— Только если они по воздуху летят. Бесшумно невозможно. Тихо ходить по лесу и мы умеем, но бесшумно никак!

— А мы разве сейчас шумим? — удивился я.

— Так я же стараюсь потише...

— Ты не понял меня. Мох под нами, вот и тихо. Так и у преследователей такой же мох. Вот их и не слышно. Одна надежда, что без фонарей они идти испугаются.

— Да уж, я-то уже здесь был, вот и иду пока. А как они могут? Не, думаю, все проще. Живности на болоте нет, потому как место гиблое, да еще и людьми пахнет.

— Может, — я вздохнул и вновь кашлянул, — ты и прав.

Было страшно и странно как-то. Тишина, я едва ли не впервые, как попал сюда, слышу такую тишину. Бывал уже не раз и в лесах, и в по-

лях. Эх, да где я уже только ни был за это время. Легче сказать, сколько я в городе дней провел, чем в лесах. Но нигде не было такой тишины. Самое подходящее слово — мертвая.

Олега и еще одного бойца мы нашли вскоре. Оба спали. С Мельником было непонятно, то ли спит, то ли в отключке. По словам Веревкина, у Олега было тяжелое ранение в голову, вон, лежит, а головы почти не видно. Замотан весь как мумия.

Несмотря на май месяц, было холодно. Да мы еще и мокрые все, как выдры. Плюнув уже на всю конспирацию, тем более, если не от ран, так от холода я точно сдохну вскоре, я попросил развести костер. Дров тут было не найти, болото, да и темнота как-то не сильно этому способствовали. Но Валера быстренько пошуршал вокруг нашего лежбища и чего-то насоби-рал. Пару раз треснул особенно сильно, видимо сухостой ломал.

— А спички-то тю-тю... — развел руками Веревкин. Мне хоть и было его плохо видно, но я разглядел. Глаза понемногу привыкали к полной темноте, очертания человека видно.

— У меня зажигалка в кармане, только, наверное, тоже сырая. Хотя она немецкая, вроде как плотно закрывается. Посмотри, — я хлопнул себя по карману на груди. Точнее, карман был внутренним, но располагался он именно на груди.

Валера быстро достал зажигалку и, зачем-то встряхнув ее, высек искру. Видно было, что

огонь у нас, скорее всего, будет. Еще пару минут повозившись с ветками и мхом, напарник все же разжег небольшой костерок. Свет больно резанул по глазам, и ночное зрение сразу пропало. Ну и шут с ним, только бы тепло стало. Мох, который Веревкин приготовил для розжига, оказался более сырым, чем мы думали, только дым от него, поэтому костровой начал зажигать тонкие веточки, которых, к нашей радости, было много. Спустя пять-семь минут у нас наконец что-то получилось. Валера начал добавлять веточки потолще, а они занимались от небольшого огня все веселее.

— Ой, зря, — выдохнул мой друг, когда огонь уже устойчиво горел, а меня подтащили поближе к нему.

— По хрену, — неопределенно качнул головой я. — Я уже готов был в болоте утонуть, а ты костром меня напугать решил?

— Не костром, а теми, кто на него притащиться могут.

— Спасибо, кстати, что вытащил. В голове уже звенело, захлебнулся бы.

— Я видел, как тебя бросили. Ждал только, пока хоть чуток отойдут. Хорошо, что не всплыл сразу, они чуток постояли и ушли. А я ползком к тебе. Боялся еще в воду лезть, не знал же, что там не засасывает. Как нащупал тебя, так и вытянул.

— Я и говорю, спасибо, — протянул я руку другу, но тотчас ее опустил. Сил так и не было.

Проснулся боец, что остался одним из выживших партизан. Сначала испугался, чуть не закричал. Это на него и костер подействовал, да и мой видок. Ему что-то приснилось, проснулся, говорит, а тут огонь, думал, его сейчас жечь будут. Посмеялись, правда я недолго. В придачу к общей слабости и боли во всем теле пришла головная боль. Башка просто гудела, как пустой чугунок, готовая лопнуть. Как же мне плохо-то! И ведь никто не пожалеет... Ладно, сам себя любимого буду жалеть, что еще остается.

От новой вспышки боли, или от общей усталости, но я вновь провалился в небытие. Очнулся, укрытый какой-то хламидой вместе в Валеркой, разглядел, потому как уже светало. Рядовой боец, что сидел перед костром сейчас, бодрствовал. Оказалось, сев к костру, он отправил Веревкина спать и укрыл своей шинелью.

— Не холодно? — спросил я тихонько, боясь напугать бойца.

— Ой, товарищ старший лейтенант, вы очнулись? — вздрогнул все же боец и вскочил.

— Лейтенанты на фронте, а мы в жопе. Андрей я. Как тебя?

— Леша, — неловко опустил на пятую точку боец и тут же поправился: — Рядовой Матросов. Алексей.

— Ты вот что, Лешка, перестань тянуться. Устав дело хорошее, да только где армия, а где мы. Все понял?

— Да, — вновь кивнул парнишка. Молодой он совсем. Едва ли больше восемнадцати.